

*Запись
от 96/1*

... навеки сердце угрюмо
И трудно дышать, и больно
жить

Н. С. Гумилев

8-1

Жизнь рухнула окончательно - 6 ~~июня~~ ^{августа} 1938 года был арестован м^{ой} отец, Рапопорт Михаил Юрьевич, родившийся 31 ~~апреля~~ ^{мая} 1882 года.

Арестовали его в Москве, где мы жили - ул. Чайковского, 16, кв. 17/б. Новинский бульвар, дом Плевако - в 20-е годы все извозчики знали этот дом!). Произошло это в наше с мамой отсутствие. Я пишу "жизнь рухнула окончательно", потому что за пол-года до этого, 9 февраля 38 года был арестован мой жених, приват-доцент I-го Московского медицинского института, где я тогда училась на IV курсе, Григорий Львович Розенцвейг, врач Памирских экспедиций, в августе 37 года в составе группы из 8-ми человек поднявшийся на вершину Пика Ленина. *Руково~~дил~~ил экспедиции И. В. Красильникова*.

Чтобы отвлечь меня, вероятно и для того, чтобы я не бегала так часто к матери и сестре моего друга, родители уговорили меня поехать с мамой в Гагры. Там, через 5 дней после приезда, и настигла нас телеграмма... Послала ее моя няня, Богданова Анисья Антиповна, прожившая с нами всю жизнь, и это она проводила отца, которого очень любила, в его последний, крестный путь. И ей он "крепко-крепко" пожал руку, уходя из дома - за ним запечатали двери наших двух комнат, оставив лишь нянину 6-ти метровую, смежную с моей. О чем думал мой отец, переступая последний раз порог дома - без жены и до чери. О чем думал он, знаяший, что его ждет, все понимавший в страшной, дьявольской круговерти тех лет и никогда не скрывавший от меня своих мыслей и оценки событий...

Теперь часто мне кажется, что я слышу по телевизору, радио и читаю его слова, его - революционера с юных лет, историка по образованию.

"В революцию" как он говорил, ушел рано, ушел из обеспеченной семьи, скитался по явочным квартирам, говорил, что редко две ночи подряд ночевал в одном месте. В члены РСДРП вступил, по-моему, в 1902 году. Потом был вынужден эмигрировать с чужим паспортом в Швейцарию. Знал там многих крупных деятелей партии. Учился на техническом и, в основном, историческом факультетах. Жил трудно, как-то подрабатывал.

Рассказывал, что раз выиграл в лодочных состязаниях (в гребле на Женевском озере. Физически был очень силен, высокий, стройный, русый, светлоглазый. Вырос в деревне в Псковской губернии, где его

отец занимался торговлей лесом, совсем мальчишкой ходил на сплав леса с рабочими и агитировал их против хозяина (отца)... Когда произошла революция 1905 года отец вернулся из Швейцарии в "Питер". Был наборщиком в подпольной типографии - партийное имя "Евгений Выборгский".

Из его товарищей тех лет помню хорошо двоих, приезжавших к нему в Москву еще в 30-е годы - Баньковского, о котором папа говорил "политкаторжанин" и В.Н.Тихонова, Васю Тихонова, ленинградца. Был он моложе отца.

Выполняя партийное поручение в Москве, кажется в 1907 году, отец был арестован и посажен в Бутырки. Но, т.к. прямых улик не было, его за "политическую неблагонадежность" сдали в солдаты.

Вот, служа в Минске, отец познакомился с маминим братом - студентом Петроградского Лесного института, а потом и с мамой - студенткой медичкой Юрьевского (Тартуского) Университета - оба они приехали на ~~канункулы~~ к родителям и ходили на рабочие сходки, где и встретились с отцом. Отслужив, отец был направлен в Пермь на лесопильный завод, уже на легальном положении, продолжая партийную деятельность.

В 1913 году мама окончила Университет и в 1914 году родители ~~поженились~~. Вскоре отца перевели на строительство Мурманской железной дороги, на станцию Медвежья Гора. Отец, имея хотя и не оконченное техническое образование, (диплома у него не было вообще, т.к. в Швейцарии он жил по чужим документам) работал инженером. В 1916 г. родилась я. И имя мне было дано отцом - Фелика.

Мама всегда работала. С конца 17 года была полковым врачом I-го стрелкового Урос-Озерского полка (Беломорско-Балтийского фронта), стоявшего на Медвежьей Горе. Тогда и вошла в нашу семью моя няня, местная жительница. Когда началось наступление белых (финнов и англичан) полк и лазарет поместились в теплушках, были все время в движении. Маме дали теплушку, разгороженную пополам, в одной половине жили мы - мама, няня в качестве санитарки, и я, в другой половине куры и корова, обеспечивающие лазарет и...меня.

Одно из первых моих смутных воспоминаний - портреты Ленина и Троцкого, которыми были оклеены стены теплушек. (Воспоминания моей мамы, врача Ф.С.Писаревской-Рапорт перепечатаны и находятся в Военно-Медицинском музее в Ленинграде и в Музее Тартуского Университета). Через год с лишним маму перевели в Москву в МоВСУ

(Московское Военно-санитарное Управление).

Отца еще раньше, вскоре после Октябрьской революции, отозвали с Медвежьей Горы в Москву в ВСНХ, работал он в Экспортлесе, затем Наркомлесе, занимал ответственные должности. Я помню слова "парти максимум", теперь и не знают его (250 р), "совнаркомовский паек" - вобла, урюк... Впоследствии, наверно ~~года с 22-го - 23-го~~, за отцом приезжал один и тот же извозчик - Антонов, как теперь машины (только никому и в голову бы не пришло как-то испольовать его). Часто папа бывал в командировках - в Англии, Германии, Эстонии, в 25-26 гг. полгода был в Персии. Как легенду о нем рассказывали, что на границе его чемоданы не вскрывают - он никогда не привозил ничего недозволенного.

Помню некоторых его друзей часто бывавших у нас - папа всегда говорил "Товарищи". Один из них - Яков Исаевич Янкельсон был на дипломатической работе в одной из Скандинавских стран. Палины слова тех, 20-х годов звучали твердо - "настоящий чекист".

В конце 20-х годов Якову Исаевичу должны были делать операцию на почках, собирался он оперироваться в Германии или Швейцарии, но не разрешили выехать. Оперировали в Москве. После операции отец пришел прямо почерневший и сказал: "Зарезали, неудобен стал..."

Уже лет в 12-13 я узнала, что отец вышел из партии, по-моему к началу 20-х годов. Считал себя учеником Плеханова, знал Ленина, Крупскую, Дзержинского, Мартова, Рыкова. ^{Мурзакову} нас была подшивка "Искры", ее забрали при аресте отца.) Если не ошибаюсь, отец говорил, что начала издаваться "Искра" на деньги мужа сестры Мартова, который был коммерсантом в Финляндии.

После 30-го года отец за границу не ездил, но и прежде, и потом много бывал в командировках по стране, в "лесах". В 33-34 годах почти полтора года был на Северном Сахалине, в 36 г. - в Улан-Уде, Томске (он уже работал в Наркомлесе).

У отца была любимая сестра - близнец, Гита Юрьевна Рапопорт, член партии с 1918 г., педагог. В 20-е годы она работала в детских колониях, потом, до войны, была директором школы в Плотниковом переулке (на Арбате). При школе у нее была комната, но будучи одинокой, она была членом нашей семьи.

Многое, что я помню - слышала из разговоров отца с сестрой. Иногда они спорили. Никогда не стесняло их мое присутствие. Папа

говорил, что я должна все понимать и знать. Все, о чем они мечтали, за что боролись не щадя себя, все, что противоречит их взглядам, теперь - после смерти Ленина. Когда начался поход на деревню, раскулачивание, отец очень резко критиковал политику, проводимую Сталиным; особенно, когда начались процессы: "Хозяин разворачивается..." О членах ЦК говорил: "Что они смотрят? Ведь сами потом головы не снесут".

Никогда в анкетах отец не скрывал ничего о своем прошлом - был большевиком, потом меньшевиком, потом вышел из партии. Вообще, правдив был неукоснительно и мне никогда бы не простил неправды - я знала.

Отцом был необыкновенно чутким и мудрым, не то, чтобы ласковым, но около него, около его больших сильных рук было ~~необыкновен~~ ^{сердце} - надежно и тепло. И дома всегда было дружно, весело, часто гости - родителей и мои друзья. Будучи широко образованным, многому учил меня - истории, поэзии, пониманию музыки, искусства. Ходил со мной в Одру, Консерваторию, музей. Был требователен ~~ко~~ всем - чистоте речи, четкости поведения, приучал меня к хозяйству, заставляя помогать няне, щадить ее. Я рано привыкла гладить ей, чинить, вышивать его любимые косоворотки.

У отца была подобранныя им у букинистов хорошая библиотека - в основном история - Тарле "12-ый год" и "Наполеон", "Жирондисты" Ламартина. Философия, его ~~любимый~~ Спиноза (Всегда говорил фразу Спинозы "не плакать, не смеяться, а понимать"). Были, конечно, классики, поэзия.

Меня почему-то с детства привлекала и отталкивала "История инквизиции" (автора не помню), там были иллюстрации, изображающие камеры пыток. Я спрашивала: "неужели так было?" С содроганием и ужасом. Думаю, наши застенки все превзошли. Из писателей отец выше всех ставил Шекспира и Достоевского, из 2-х уцелевших писем отца мне - одно лекция о Шекспире (1937 г.). Второе - печатными буквами - сказка. Преклонялся перед В.Г.Короленко и хранил его письмо, в ответ на свой рассказ, который отец послал Короленко - помню там были слова "Пишите, молодой человек, пишите!".

В конце 20-х, начале 30-х годов к нам домой приносили большие пачки шерстяных носков и варежек - это вязали подруги моей няни, бывшие монашки, жившие где-то под Москвой. Вещи эти покупали мои родители и их друзья - сослуживцы отца - Юкины, Казуковы, Деревянко,

Тарасовы (И.М.Юкин и Л.А.Деревянко умерли до 37 года, А.А.Тарасов был арестован в 37-м). На мой вопрос - для кого эти вещи, папа ответил: "Для тех, кому холодно". Атеист, и меня воспитавший также, отец уважал чужую веру. Он очень хорошо пел, чудесный был низкий баритон. Любил церковные службы - пока не снесли Храм Христа Спасителя - ходил слушать Пасхальную заутреннюю (там пели артисты Большого театра - Пироговы, Неждановы). Очень любил петь старые революционные песни, всегда вспоминал рабочие маевки и торжественно ходил на Первомайскую демонстрацию.

Под ~~Новый~~ ^{38-й} год, числа 29 декабря ночью отца "забрали". Он успел подойти ко мне и погладить по голове. Мы с мамой долго плакали, няня молилась.

Когда я проснулась, отец был дома и рассказывал маме, что когда его допрашивали - тогда искали золото ("золотуха" называлось) у нас его в помине не было - вошел тот, помнишь, "Шинель" (ходил в длинной шинели) - я у Дзержинского с ним встречался - увидев меня, тут же приказал - "отпустить немедленно!". В 38-м, думаю, "Шинели" уже не было...

В начале декабря 37-го отца уволили с работы в Главзапсиблесе, он очень переживал, писал заявления, видимо в ЦК.

После ареста моего друга - многие последовали за Крыленко, арестованного ¹⁹³⁷ в конце 1937 г. -(Л.Л.Брахан. А.И.Полянов, С.Я.Ганецкий и д. - отец очень горевал за меня, старался ни о чем не говорить.

В марте отца восстановили на работе в Главволгостлес Наркомлеса РСФСР, старшим диспетчером.

Наркомом лесной промышленности был т.Лобов, непосредственным начальником отца т.Крамник, он был арестован в июле 1938 г.

^{37-38 гг} Зимой, когда папа не работал, к нам приезжали из Ярославля наши друзья Е.М. и А.И. Стомиловы. Перед отъездом они умоляли, заклинали отца уехать к ним в Ярославль, у них была чудная квартира на берегу Волги. Папа не поехал и продолжал хлопоты о восстановлении на работу. Что он - верил в Правду? Как он мог еще верить, когда сам мне все объяснял, весь ужас творившегося зла. И самоубийство Аллилуевой, и Орджоникидзе, и Гамарника, Томского - все ведь знал.. А папин друг (и друг А.И.Рыкова) Николай Александрович Троицкий, тоже снятый с работы, уехал куда-то в леспромхоз к друзьям и уцелел.

Чем же руководствовался мой отец, ведь знал и понимал, кто такой Сталин, во что верил? В свою неподкупную, кристальную совесть? Верил и не верил - сказал своей сестре (я потом узнала) "не жду ни-

чего хорошего, мне уж что (это в 56-то лет!), девочку жаль, я ей нужен..." Зачем отец настаивал на нашей поездке в Гагры? Ну вот.

УЖАК
9/УШ 1938 г.

Мы вернулись в Москву к запечатанным комнатам. Начались мои мытарства, хождения в очереди. Сначала на Кузнецкий мост. Оттуда пришел человек в пленсне, в несвежей рубашке без воротничка (что только помнится!). Он снял печать с дверей в мою комнату из няниной, открыл дверь в большую комнату родителей (все комнаты были смежными) - из моей комнаты выдвинул туда пианино и мое бюро карельской березы - последний подарок отца, швыряя вещи, был мерзко груб... Запечатал дверь в большую комнату. Мы остались без теплой одежды, без стола и стульев, почти без белья и посуды... Без папы!

Друзья у нас остались - вдова папиного товарища И.М.Ю.~~Киана~~, и еще дружеские семьи, и мои друзья, мои однокурсники "девочки" и "мальчики" - школьные, институтские, и одни из соседей по квартире, и соседи по дому, старые знакомые.

Я продолжала ходить на Кузнецкий за сведениями об отце. Эти очереди! Безмолвные почти, обреченные люди с отчаявшимися глазами и серыми лицами... Женщины, женщины - молодые, старые, иногда почти девочки, изредка пожилые мужчины, женщины, женщины. И слова-то какие: "за кого стоите?" - муж, брат, сын, отец - изредка жена или doch.

Однажды - это уже было где-то у памятника Первопечатнику, ночь передо мной простояла высокая молодая женщина, просто одетая, наутро пришли "старики" (такими они мне тогда казались) - муж с женой, и сказали, что это их домработница, золотая женщина, поддерживает их, чем может, а та прибавила с гордостью - "ведь меня зовут Анна, как и их дочь, которая репрессирована" - и мне показали фотографию молодой красавицы... Уже в приемной Военной коллегии, я познакомилась с племянницей Туполева - кроме дяди у нее был арестован муж. И вдруг - там же в Приемной, среди угнетенных, скорбных лиц - красивое, наглое молодой женщины - подходит к одной из стоявших как-то в стороне, тоже с порочно-вызывающим лицом и - "Ты что тут делаешь, я тебя уже видела?" И ответ: "Да вот, надо дать еще показания на соседа". - "А, а я то думаю, с такой мордой!". Узнавали друг-друга - рыбак-рыбака. Потом я увидела первую женщину в троллейбусе и выскочила на остановке, как от чумы... Но это было потом. А на Кузнецком, в начале мытарств, как-то в конце августа - было очень жарко, приемная полна народа, я вышла в прилегающий маленький коридорчик - там открытое окно во двор; напротив окна - дверь, и возле нее не-

высокий молодой красноармеец с винтовкой. И вдруг я слышу: "Сестренка, только не оборачивайся, слушай - всех увезли в Бутырки, не майся тут, туда иди... Уходи теперь тихонько..." "Спасибо ВАМ, русские люди!" - подумала я.

В Бутырках(где отец сидел в 1907 году) сказали, что он там, и разрешили 12-го^й передачу - 25 рублей. А 27-го^й передачу уже не приняли - "Выбыл". Куда? Тогда я не знала...

1 сентября начались занятия в институте на последнем курсе. Я сразу сказала парторгу курса (хотя не была даже комсомолкой) об аресте отца. Не говоря уже о моих друзьях, все , я могу твердо сказать, отнеслись ко мне участливо... Все ведь знали и об аресте моего друга, нашего педагога... Никогда у меня не было неприятностей, когда пропускала лекции, (стояла в очередях,) никто меня не травил. А мои дорогие девочки и их семьи поддерживали меня, чем могли. У мамы на работе тоже не было неприятностей, ее очень любили и коллеги и бояные. Так и не узнали мы, кто передал ей пакет - 2 простыни. Но здоровье мамы пошатнулось. Открылась язва 12-ти перстной кишке, и мы с подругами попросили нашего преподавателя терапии д-ра А.В.Дроженникова, который был с нами дружен, (по-теперешнему начмеда клиники, проф.Фромгольда,) положить маму на лечение. Я хоть немного успокоилась, а то при виде НКВДешника (в голубой фуражке) входившего в наш двор, мчалась домой... Я страшно боялась за маму... За себя как-то нет, уже нехватало сил на эту тревогу.

³⁸² 3/XII на очередном "приеме" у дежурного Военной Коллегии я стала как-то смелее, нет просто менее смиренно-обреченно: "Об отце никаких сведений, мама больна, нет зимних вещей, нет стола и т.д.- Я немного подняла голос - „в чем же моя вина, я не имею возможности жить и учиться". Деревянная панель кабинета слева от меня отодвинулась, быстро вошел невысокий темноволосый человек с эспаньолкой - галифе, блестящие сапоги, гимнастерка, несмотря на полноту, перетянута ремнем... ромбы. "Что тут происходит?", Дежурный виновато: "Да вот, девочка понервничала". Беглый взгляд в мою сторону, один взгляд и я поняла, что могу говорить. Я сказала, что не столько учусь, сколько стою в беспросветных очередях, что я хочу знать, в чем обвиняется мой отец - для меня самый частный и правдивый человек (он поднял брови), за что мы с больной матерью должны жить без необходимых вещей, даже без зимней одежды - я показала на свое пальто. "Ромб" спросил фамилию отца, дату ареста и исчез за панелью. Мы сидели с дежурным молча минут 15. "Тот" вернулся с ^Нтакой папкой. Открыл

ее и сказал: "Ваш отец осужден по статье 58 п.7,8,10 на 10 лет ре-
жимных лагерей без права переписки, с конфискацией его личного иму-
щества". Я тогда не знала весь ужас этого приговора. Он выжидатель-
но замолчал. Ударом для меня его слова не были - иного я не ждала,
но его тон, внимательный взгляд, дали мне силы говорить дальше.
Я сказала, что моя мать всю жизнь трудилась наравне с отцом, что ~~мы~~
остались вдвоем в 13-ти метровой комнате, а 32-х метровая запеча-
тана, что человек, который так поступил с нами оставил нас без необ-
ходимых вещей, вел себя грубо... Тут он меня перебил: "Это с Кузнец-
кого, в пенсне? Так его уже нет, он наказан". Далее сказал, что
завтра к 10 утра к нам придут и отдадут все, что не принадлежало
лично отцу, его части мебели. Потом быстро написал что-то и дал
мне бумажку с номером телефона и фамилией - Буланов. "Когда к Вам
придут, Вы мне позвоните и перед уходом их позвоните, ~~на~~ насчет
квартиры решим вопрос потом". Дежурный сидел безмолвно с оторопелым
лицом. А я... я ничему не удивлялась. Я еще надеялась, что мой отец
жив! Логики не было ни в чем, ни в том, что нас с мамой не тронули,
ни в моей встрече с Булановым.

Назавтра ровно в 10.00 пришли две женщины в штатском и молодой
военный в форме НКВД "с кубиками". Они сняли печати с дверей в боль-
шую комнату из прихожей и я с ними вошла в нашу-не нашу комнату...
До них приехала моя институтская подруга Ирина (~~тоже не покляла на~~
~~лекции~~) и ушла к маме, лежавшей в моей комнате. Начали разбирать ~~мие~~
вещи. Обстановка у нас была скромная... только книги хорошие. Отдали
всю женскую одежду, постельное белье, посуду. В сундук стали скла-
дывать одежду отца, составляли опись. Да, я сразу же позвонила Бу-
ланову - он попросил "кубаря" - тот отвечал: "Есть, будет исполнено"
потом передал мне трубку и Буланов сказал: "Если Вы будете неудов-
летворены обращением с Вами - сразу звоните мне". Мне было не до
шока, право же я все принимала, как должное. Одна из женщин стала
разбирать книги отца, она просматривала их и все время вытирала
слезы. Я сказала, что бюро и пианино (самые дорогие вещи) мои - "Сы-
грайте что либо" Я села и... не смогла сыграть "чижика" (занималась
10 лет) - "Не могу..." Вот это и был "шок", я никогда потом не иг-
рала. Тогда девочка положила книги и позвонила Буланову - "Пианино
дочери. Нет, не превышает стоимости" (Чего?). ~~Отдали пианино, бюро,~~
~~обеденный стол, часть стульев, кровать, 1 книжный и 1 платяной~~
~~шкаф, книги... Увы, книги почти все пропали во время войны.~~

Комната запечатали "до нового распоряжения" сказал "кубарь"

(он был высокий и худощавый).

Перед их уходом я позвонила Буланову и на его вопрос: "достаточно ли со мной были вежливы?" - ответила "Да". Он сказал, чтобы я дней через 10-15 позвонила ему насчет комнаты. Кроме папиной одежды и части мебели осталась люстра.. о ней потом.

На следующий день маму положили в клинику, а ко мне переехала одна из моих институтских подруг - Нина (она жила в общежитии, часто у нас, отец очень любил ее и жалел, что ей трудно (матери не было у нее). Когда я снова, во второй половине декабря позвонила Буланову, он мне грустно сказал: "Милая девушка, я уже не только Вам, но и себе не могу помочь..."

После возврата вещей я знала, что было забрано при аресте отца - из его письменного стола выгребли все бумаги, письма, в том числе письмо Короленко. Всю подшивку "Искры". Из книг помню - Джона Рида "10 дней, которые потрясли мир", "Россия во мгле" Уэлса, и недавно вышедшую книгу Фейхтвангера "Москва, 1937". Взята была и папина машинописная рукопись, над которой он много работал, называлась она "Бедная, бедная". Когда я, увидев ее впервые лет в 15-16 спросила: "Кто бедная?", папа ответил: "Россия бедная, дочушка".
Хочу вспомнить высказывания отца: "На пенсии пойду сторожем на лесной склад - книжки читать можно и древесиной пахнет - родной запах.. И еще... "Жить готов с одним ухом и одним глазом, лишь бы слышать и наблюдать жизнь..."

Как я страстно, безумно мечтала, чтобы он выжил, он и мой любимый друг Григорий Львович! Как мечтала бессонными ночами, что кончу институт и удастся поехать к одному из них, мучилась, к кому? Все-таки к отцу, ему я была бы нужнее. Мой однокурсник, Виктор Шнейдер-Ильинский (у него были арестованы отец и мать) написал мне стихотворение, помню лишь несколько строк:

"Наша жизнь постылая
Быть бы Вам Камиллою,
Машею Волконскою -
времена не те"

Хочу, прежде, чем писать дальше, привести одну цитату из книги о любимых отцом и мной декабристах "Верные сыны отечества", изд. 1982 г. Воспоминания А.Е.Розена, стр.290.

"Генерал-адъютант Левашов иногда в нетерпении, или от неограниченной власти, позволял себе странные выходки. Полковнику М.Ф. Миткxову сказал :" У нас есть способы, чтобы заставить Вас признаться так, что Миткxов нашелся вынужденный заметить ему, что мы живем //

В XIX веке и что пытка у нас уничтожена законом..."¹¹ А в XX веке?

Когда к 1939 году "сняли" Ежова (и, видимо, иже с ним Буланова и назначили Берию - все надеялись, что может "подтихнет...") Кого-то "выпустили", арестов, на время стало меньше, но о моих дорогих не было никаких вестей...

Уже после войны, хлопотавшие и моя мама (я уже не жила в Москве), и мать Григория Львовича получили справки из ЗАГСа, что оба они умерли "от заболевания" - Где?... Год, кажется, 1944. Такую же справку я получила после реабилитации отца. А мать моего друга, в один из моих приездов в Москву к маме, ^{в 1959 г.} пришла ко мне и умерла скоропостижно у меня на руках... У меня уже было двое детей, которых она очень любила...

В начале 39 года бывшую нашу большую комнату занял сотрудник НКВД со "шпалой". Вел себя сразу же пристойно, даже разрешил вынести в коридор телефон, прежде бывший нашим. Вскоре к нему приехала жена маленькая невзрачная женщина с 3-х летним мальчиком. Была она культурнее мужа, держалась даже дружественно, даже как-то зас tenчиво. Следом приехала из Вологодской области "его" мать - высокая старуха с одутловатым ~~безумным~~ лицом и маленькими злыми глазками. Сына она звала "ОлександРФедорович", невестку "Валью". Жили они тихо-видимо мирно...

И снова горела старая бордовая люстра с белым абажуром и свет ее отражался в том же зеркале, стоявшем напротив стола между окнами. Только ни гостей, ни праздников уже не бывало... Иногда, чаще без "хозяина" заводили патефон.

Теперь - страшное воспоминанье, вот тогда, несмотря на то, что знали о творившихся пытках, был ШОК. Когда мы готовились к последним экзаменам с Ириной, часа в 2 ночи мы пошли в ~~столовую~~. Она была возле входной двери, напротив "их" комнаты. Позвонили к ним 4 раза - вышла открывать старуха, и мы с Ириной, потрясенные, вжавшись в стену, услышали его приглушенный голос: "Мамо, вытри сопожищи-то, в кровище все..."

Это я потом прочитала "Реквием" - "И корежилась бедная Русь
По д кровавыми сапогами..."

Какие жуткие виденья пронеслись в наших головах... Еле добравшись до своей комнаты мы долго не могли взглянуть друг на друга, перед глазами была кровь на грязном полу, истерзанные люди и сапоги остивенело топчущие их... Наш ужас, страх и смятение не передать! Помню лишь огромные Иринины голубые глаза, какие-то побелевшие...

А жить, продолжать жить, было нужно, нужно было поддерживать маму, доучиться, нужно было дожить, чтобы помнить и вот, наконец, рассказать.

I/УП³⁹² окончила с отличием институт. В аспирантуре меня, конечно, не оставили, несмотря на ходатайство профессора Фромгольда (я 3 года посещала занятия в клинике и летом работала).

Егор Егорович Фромгольд был арестован в 41 году (якобы за немецкое происхождение). Я уехала на периферию, работала в глухой деревне, от одиночества и тоски и по воле мамы вышла замуж за неплохого, но чужого мне человека. Брак был недолг - 5 лет. В мае-июне 41 года во время декретного отпуска в Москве сдала в свой институт в аспирантуру (у меня было 2 года стажа работы в деревне). 23/У я родила дочь, а 22/УI началась война и я, ничего уже не желая, вернула свою девочку и уехала обратно в деревню. От мамы узнала, что семья Соколовых - "эти" люди - уехали в эвакуацию в Горький. Когда к концу 43 года я вернулась в Москву, они уже были там, но сам он был направлен в Сталинградскую (освобожденную) область - "на восстановление..." Чего? Уже в 44 году весной, вернувшись поздно с работы, я услышала от мамы такой рассказ: "Соседка - "его" жена делала уборку, шваброй задела люстру, разлетелся вдребезги большой белый колпак, а бронзовый обруч ударился о зеркало и разбил его." "Чужое добро впрок не идет" - устало сказала я. Моя трехлетняя дочь не спала и назавтра, придя играть к соседнему мальчику (дети есть дети) на сетованья бабки "видишь, Марионка, какая у нас беда случилась, Валька, абажур хрестнула, а обруч вон - зеркало разбил. Ох, не к добру, не к добру". Так вот моя дочь, которая прекрасно говорила, ответила: "А мама так и сказала, чужое добро впрок не идет..."

Вечером на кухне соседка сказала мне: "Что же вы так, ведь Саша купил эти вещи." Я ответила: "Не знаю, где и как Ваш муж купил вещи, знаю, что я ничего, никому не продавала..." Отношения остались прежние, спокойные. Через месяц или два пришло известие, что "он" убит - как и кем? Может, как пишет Л.Э.Разгон "Кто-то "удовлетворил" естественное чувство справедливости"? Я не горевала, но и не злорадствовала. Моя дочь и теперь помнит, как она боялась, что ей попадет за болтовню - не попало.

В 1946 году, со вторым мужем я переехала в Ленинград. В 1955 г. мама подала заявление в Главную Военную Прокуратуру. В начале 1956 г. муж, придя с работы сказал - он узнал, что в Главной Прокуратуре работает его однополчанин по 3-му Украинскому фронту, хороший това-

рищ Петр Никифорович Лещин (муж был армейским судебно-медицинским экспертом, а Лещин - армейским прокурором). Вечером мы выехали в Москву. На ул. Кирова 41 в ГВП муж позвонил Лещину и он велел выдать нам пропуска к нему. Выяснив все о деле отца, Лещин сказал, что оно направлено в Военную Коллегию с заключением ГВП. В Военной Коллегии мне выдали справку о реабилитации отца. "Суд" над ним был 27/IX 1938 г., когда у нас не приняли вторую передачу. Потом Лещин в частной беседе сказал нам, что в этот день мой отец был расстрелян... Он же сказал, что отец подписал все обвинения, предъявленные ему лично, никого не называя, а на так называемом "суде" успел сказать, что сделал это намеренно, чтобы избежать лишних пыток и от всех показаний отказался. Его пристрелили. Я помню, что летом 38 года, незадолго до ареста, отец говорил своей сестре: "Все надо подписывать, все равно замучают и заставят". Вот так. Наконец, я все написала. Да, нам вернули какие-то деньги и предложили забрать оставшуюся у Соколовых нашу мебель. Кое-что я взяла - папин письменный стол, книжный шкаф, и люстру...

Эпилог

23/XI 1988 г. я подала заявление в ЦК на имя Б.К.Пуго с просьбой ответить мне, где и когда погиб мой отец, ведь в 56 году нам опять на запрос прислали справку из ЗАГСа, что он умер 13/X 1944 г. без указания места и причины смерти... Кроме того, я просила, если возможно, разыскать его рукопись "Бедная, бедная", изъятую при аресте.

Мое письмо переслали в Главную Военную Прокуратуру. Оттуда мне ответили, что мое заявление направлено начальнику подразделения Управления КГБ г.Москвы, где хранится уголовное дело моего отца. О принятом им решении я буду уведомлена.

~~Вчера, 16/Ш, мне позвонили из Ленинградского Управления Госбезопасности и вежливо сказали, что по поручению КГБ Москвы должны передать мне ответ на мое письмо о судьбе моего отца, можно ли по телефону? Я ответила: "пожалуйста". "Ваш отец был репрессирован по обвинению в принадлежности к антисоветской организации правых, 27/IX Военной Коллегией приговорен к расстрелу, приговор приведен в исполнение в тот же день. Место захоронения неизвестно, рукопись не найдена". На мою просьбу дать мне официальную справку где, когда и как погиб мой отец было сказано "что это не положено". "У Вас же есть справка о реабилитации?" "Да, есть"».~~ *Это фальшивая бредуха*

Вот теперь окончательно все... Моя мать умерла у меня 31/У 1977 года - в день рождения отца, так и не зная правды о его гибели - мы не говорили ей о том, что сказал ~~наш~~ прокурор в 1956 г. (что отец был расстрелян). Она считала, что он умер в лагере, как указано в справке - фальшивке из ЗАГСа.

А кто знает, что хуже?!

*На последней же "диварике" на
могиле моей матери сразу настала
моя угаданка фальшивка, пишет и
сейчас и дари рождается и смерть
искусств и агут (1938 год)*

*Феликс Михайлович
(Ришонот) Баринов*